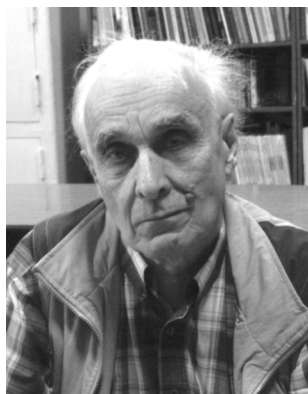

Игры с вечностью

Вадим МИХАНОВСКИЙ

ЗОВ ПОЛНОЧНОЙ ЗВЕЗДЫ

Сибирские этюды

«Я вам расскажу, что я из будущего»

(Велимир Хлебников. «Доски судьбы».)

...Без торжественных речей и громких напутствий, они тесной, но организованной толпой, по двое, продвигались к борту парохода. Бывшие граждане уже несуществующей Австро-Венгерской империи отправлялись из Владивостока к родным берегам Средиземноморья, Вислы, Дуная, Одера.

– Лейтенант, у нас каюта на четверых! – машет кому-то рукой пронырливый венгерский прапорщик.

Невысокий лейтенант в ладно сидящей на нём коричневой кожаной куртке, широко улыбаясь белозубым ртом, посылает тому ответный жест... Три года сибирского плена, закончившегося под Владивостоком, лейтенанта не изменили. И улыбка осталась прежней, он осенял ею местных красавиц и молодых вдовушек, которые были от неё без ума.

На военнопленного он не был похож. Добротно одетый – двубортный пиджак в тёмную полоску, дорогие ботинки на высоких каблуках: надо же было как-то компенсировать свой небольшой рост!

Жилось им в плену сравнительно вольготно. В лагерях ютились не все. Офицеры, если была возможность, снимали частные квартиры. Через организацию международного Красного Креста они получали посылки с продовольствием, небольшие денежные вспомоществования. А с начала 1918 года им стали ежемесячно перепадать от французов и англичан определённые суммы, но с одним условием: задержать свой выезд и помочь

представителям Антанты разобраться с большевиками на Волге и в Сибири. Пятьдесят франков в месяц и дополнительный паёк (сахар, галеты, папиросы, сменное бельё) – такова была плата за вынужденную помощь интервентам...

Лейтенант, окончив в 1916 году офицерскую школу, провоевал всего три месяца. Свыше 400 тысяч солдат и офицеров Австро-Венгрии в ходе Брусиловского прорыва русской армии и отказа Румынии от военных действий внезапно оказались окружёнными и сдались в плен.

А вот дальше выстраивать последовательно биографию лейтенанта Роберто Бартини, запутанную чуть ли не со дня рождения, невероятно сложно. Она пестрит событиями и фактами, достойными самого что ни есть фантастического романа, в котором наносное, чуть ли не мистическое, но и реальное сцеплены воедино так крепко, что без одного запутаешься в другом.

Не будем этого делать и мы, боясь разрушить отдельные построения в этой действительно феерической биографии. Тем более что нас интересует в основном то, что так или иначе связано с сибирским прошлым этого потомка баронов, отец которого Лодовико Орос ди Бартини был одним из самых богатых сановников Италии...

Нет, Роберто Лодовико ди Бартини не скрывал своей принадлежности к родовитой верхушке с Апеннинского полуострова даже в стране Советов, в которую он перебрался в 1923 году. И даже позже, в звании советского комбрига, что соответствовало званию генерал-майора, Роберт Людвигович подписывал иногда офици-

альные документы, не забывая о приставке «ди». Это означало, что в данном случае он категорически не согласен с тем, что в данном документе написано.

Что ж, своего он в конце концов добился: «красного барона», как его называли в России, усадили на долгий срок, и пришлось ему работать в известных шарашках – в Омске, а потом в Новосибирске... Бартини к тому времени стал выдающимся конструктором самолётов, которые ещё в 1941 году бомбили Берлин и его пригороды... Но до той поры ещё надо было дожить и, главное, отмерить длинные вёрсты сибирского бездорожья от Уфы до Владивостока.

...От басовитого пароходного гудка звякнула круглая вставка иллюминатора. А из кают уже всюду доносятся звуки музыки и песен. Во Владивостоке, особенно в порту, вездесущие китайцы бойко торговали патефонами, недавно вошедшими в моду, называя их на английский манер виктролами. И вот теперь отовсюду неслась эта виктрольная какофония – на немецком, английском и русском языках.

Бартини прислушался: где-то недалеко от них звучала старая-престарая австрийская песенка «Ах, мой милый Августин!» (Ach, du lieber Augustin!). Песня была темповой, маршевой. Она помогала этим людям, отторгнутым от родных мест, забыть вчерашние невзгоды, скученность, грязь, сыпной тиф, косивший их ряды. И вот они уже на пути к отчизне, и с ними этот хрипловатый Августин, взгрустнувший перед походом у могилы отца, на которой вдруг вырос прекрасный розовый куст.

И никто уже не обращает внимания на чужой язык, потому что у этой песни был в ту минуту один универсальный язык, простой и понятный всем – ностальгия...

Незаконный отпрыск вице-губернатора австрийской провинции Фиуме, тем не менее взятый на воспитание в эту богатую, но бездетную семью, появился в отчем доме неожиданно. Барон Лодовико Орос ди Бартини, вышедший недавно в отставку и сохранивший звание государственного советника со всеми привилегиями, при виде возмужавшего сына воздел кверху ладони:

– Наконец-то! Спасибо нашему заступнику, святому Франциску!

Роберто, обняв мачеху, дождался конца её причитаний и твёрдо объявил: «Потеряно три года, мои дорогие, три года! Я должен восполнить их трудом и учёбой. Но в этом деле наш святой заступник мне вряд ли поможет.

– Не ёрничай, Роберто! – насупил брови государственный советник.

– Боже упаси! – вздохнул Роберто. –

Но пусть он это хотя бы услышит, отец.

– Ладно, у тебя ещё будет время пообщаться с ним. Отдыхай!

...Двумя годами ранее из тех же примерно мест, где был пленён лейтенант, вернулся на родину российский прапорщик Александр Шаргей. Приехав в Питер, он не застал на месте своей мачехи с приёмной сестрой. Два года назад умер отец Игнатий Бенедиктович Шаргей. Вторая жена его, Елена Петровна (в девичестве Гиберман) перед войной работала вместе с мужем на одной из немецких фирм. Их тогда в Питере было много. А вот к середине 1915 года осталось только две – небольшая, обрусевшая, оптико-механическая, да ещё общеизвестная фирма швейных машин «Зингер», которой «позволили» остаться во враждующем с Германией государстве.

Фирма размещалась в начале Невского, наискосок от городской думы. Крыша здания была увенчана большим, видным издали глобусом с перевязью посередине, на которой золотыми буквами было написано SINGER. Не сразу, но уже после революции, эту надпись, опоясывавшую земной шар, заменили на слово «КНИГИ». А само здание стало самым большим книжным магазином в северной столице. И это отвечало как нельзя лучше интересам новой России, стремительно потянувшейся к знаниям.

На первом этаже, у секции «Техническая книга», Шаргей застрял надолго. Он искал хоть какие-то сведения о Циолковском, но их здесь не оказалось. Зато наткнулся он на тоненькую брошюрку австрийского инженера Макса Валье об идее межпланетных сообщений. Техническое содержание её Шаргей заинтриговало, он знал немецкий язык с детства.

Валье предлагал использовать для этой цели ракеты.

А об этом уже несколько лет думал недавний гимназист Саша Шаргей, вычерчивая в своих ученических тетрадях схемы межпланетных путешествий. Юношеские мечты не оставляли его и в годы войны. Он мысленно видел себя в серебристом снаряде, мчащемся к далёкой полупланетной звезде. Оставалось лишь не ошибиться в расчетах.

Забегал Шаргей и в политехнический институт, куда он поступил в 1916 году, но был тут же мобилизован и направлен в школу прапорщиков... Списков прошлых лет в деканате механического факультета не оказалось: молодая республика Советов начинала свой путь, так сказать, с чистого листа. И Шаргей уехал на родину.

Украина тоже, копируя своего старшего соседа, начинала жизнь с чистого лис-

та, объявив себя независимой – вслед за Финляндией... В Киеве, в семье мачехи его заждались. Александр буквально тут же вцепился в свои бумаги, сохранённые матушкой.

Он понимал, что в мире не один он бредит межзвёздными полётами. В свои 22 года в этом вопросе Александр Шаргей давно уже был не мальчиком, и однажды он вывел твёрдым почерком в начале новой тетради, что ни России, ни Украине тем более, покорение межзвёздных пространств не по зубам. И Германии тоже. Только Америка могла бы сделать этот гигантский прыжок в неизведанное. Но не сейчас...

Подумав, он приписал: «С теоретической стороны полёт на ракете в мировые пространства ничего удивительного и невероятного собой не представляет».

Вот так, Макс Валье: этим человечество не удивить! Ракета – она всего лишь ракета... Но этот Валье продолжает, наверное, заниматься своим делом, а тут... Увы, тут приходилось думать о хлебе насущном, семья жила впроголодь.

Больше года – до ноября 1919-го Шаргей пилил и колол дрова по найму, ремонтировал инвентарь, чинил и менял электропроводку и занимался репетиторством. И ещё – совершенствовал свои выкладки и расчёты... Не будет преувеличением сказать, что этот молодой парень принадлежал к редкому типу людей, которые и при очень хороших способностях, в процессе обучения всегда готовы к тому, что приобщение к знаниям требует прежде всего энергии, силы, которой способны по-настоящему управлять немногие... А среднестатистических зубрил у нас и так хватает, их до Москвы в затылок не переставить...

По складу характера глубокий физик, Шаргей соединял в себе и качества лирика. Он как-то признался сводной сестре Нине: «Помнишь, у поэта Фёдора Глинки есть романс, а в нём слова – «и на штыке у часового горит полночная звезда»? Это значит, что поэт задолго до меня проложил самую точную трассу от Земли до Луны. А моя задача, сестрёнка, метр за метром обосновать правильность этого пути.

В наследство от отца Александру достался большой немецкий чемодан. В нём – инструменты, вывезенные отцом из Штутгарта, где он учился два года в высшей технической школе. Инструменты были из прочной стали, с хромированными ручками. Различные щипцы и щипчики, тисочки, зажимы, молотки и молоточки, клещи и пассатижи, надфили и пилки... Александр иногда просто перебирал всё это, подолгу задерживая в руках ка-

кие-нибудь щипчики, предназначенные для тонкой ювелирной работы.

– Хоть блоху подковывай! – улыбался он. – Тут, кстати, вот и небольшой микроскоп есть, который отец даже не распечатывал... Для чего он вёз все это богатство из Германии? Сам он, помнится, ни одного дела, за которое брался, до конца не доводил. Разбросан был, но не без таланта!

От себя автор мог бы добавить, что сыну – Александру Шаргею – родители оставили более весомое наследство: саксонское упорство от матери, а от отца – неуклонную тягу к прогрессу, научившемуся этому в Германии...

Но нам, похоже, не избежать небольшого отступления от дела (да и прелюдии к нему тоже!), которое всю короткую жизнь Александра оставалось главным для него. Что ж, начнём... По Версальскому мирному договору Германии было запрещено иметь тяжёлую артиллерию. В разделе пятом договора указывалось, что она могла иметь в дальнейшем не более 204 орудий калибра 77 мм, а на каждое из них – не более 500 снарядов... (Для сравнения: снаряд такого калибра не причинял никакого вреда лобовой броне немецкого танка «Тигр» времён Второй Мировой войны.)

О ракетах же в период подписания договора и речи не шло. В статье 166-й их не относили даже к разряду боеприпасов... Именно это обстоятельство во многом определило интерес к ним крупных немецких промышленников и военных. К концу 20-х годов ракеты, скажем так, уже не были на немецкой земле просто детскими «пуколками», а их конструкторов перестали относить к разряду чудаков.

Примерно в это время у Шаргея появилась ещё одна брошюрка, на этот раз самого К. Э. Циолковского. В предисловии к ней он писал, что его работы «дали немецким учёным изрядный толчок, после которого в Германии появилось много новых работ и работников». В их числе Циолковский упоминает и Валье с Обертом, обосновавшихся в Мюнхене. Там, в Германии, эти ракетчики «объединяются в группы и работают сообща»...

Вот именно, сообща! Это не кустари-одиночки. С чисто немецкой пунктуальностью нацеленные на результат, они там горы могут свернуть! – с горькой усмешкой заводил себя Шаргей, продолжая свои вычисления. Он торил свой путь, где-то, может быть, подсознательно понимая, что «всадить» ракету в тот же лунный грунт – не главное! Главное – вернуть её пилота на землю... Но об этом ни в газетах, ни в брошюрах не говорилось ни слова.

Так вот, постепенно, у молодого Александра Шаргея стала вырисовываться его первая работа, в готовом виде ставшая похожей на инженерно-технические советы: «Тем, кто будут читать, чтобы строить». В этой серебристой книжечке, которая через 40 лет случайно попадёт на глаза одному из будущих руководителей НАСА, американскому учёному Джону Хуболту, и которая вкупе с другой – «Завоевание мировых пространств», изданной в Новосибирске, принесёт их автору мировую славу, было полтора десятка советов. Ну и вычисления, конечно. И это сэкономило США миллиарды долларов при высадке астронавтов на Луну.

Вот некоторые из этих советов. Для снабжения спутников на околоземной орбите необходимо использовать ракетно-артиллерийские системы. (Это предложение было реализовано и у нас в транспортной системе «Прогресс».)

Независимо от Циолковского выведена более точная формула, устанавливающая связь между скоростью ракеты, скоростью выброса продуктов сгорания и соотношением масс топлива и оболочки ракеты на кислородно-водородном топливе.

Здесь же приведена новая схема камеры сгорания двигателя с шахматным расположением форсунок окислителя топлива. И предлагается использовать противовес атмосферы для торможения ракеты при спуске. А для высадки-посадки астронавта надо использовать небольшой корабль. (Предложение реализовано в программе Apollo.)

Но мы-то каковы? Обозначив в начале повести интригу, почти забыли о молодом лейтенанте. Впрочем, Роберто Бартини, как и Александр Шаргей, сняв военную форму, принялся нагонять упущенное.

Роберто ещё до ухода на фронт, кстати, в 16 лет заболел авиацией. Заболел не вдруг. Он увидел впервые демонстрационные полёты лётчика Харитона Славороссова, выходца из Сибири, на аэроплане марки «Блерио». Этот русский виртуозно крутился над заливом, летал вниз головой, крутил «бочки»... Всё! Роберто не успел, пока сам не сел за рулевые тяги этой воздушной «этажерки»...

Вернувшись домой, молодой Бартини отверг помощь семьи: «Я буду делать всё своими руками, пока на них не вырастут мозоли!», – заявил он отцу и уехал в Милан на завод «Изотта Фраскини».

На этом предприятии, где делали в том числе и авиационные двигатели, он был и разнорабочим, и шофёром, но одновременно – за два года – сдал экстерном экзамены за авиационный факультет Миланского политехнического института.

Получив диплом инженера, он следом оканчивает в 1921 году Римскую лётную школу. В этом же году Роберто вступает в итальянскую коммунистическую партию. И вскоре передаёт ей огромное наследство, оставшееся после смерти внезапно скончавшегося отца.

Если обозначить сумму по ценам начала XXI века, то выглядит это впечатляюще: около 200 миллионов долларов... Как их осваивала ИКП, остаётся только гадать. Во всяком случае, наша КП в период развала страны по некоторым данным имела на своих счетах сумму побольше этой. А куда всё ушло?.. Но не будем множить вопросы на эту тему, всё равно ничего не добьёмся...

Итак, в сравнении с Шаргеем, Бартини сумел взнудать бурное, ускользающее время. И всё же и об этом времени, и даже о годе своего рождения (а они родились в один год с Шаргеем) отзовётся жёстко: «Год-людоед, обглодавший три четверти своих юнцов на полях сражений!»

Согласимся с правотой подобного высказывания. Он, год этот, ещё не раз всплывёт в повествовании, нависая чёрной тенью над судьбой наших персонажей... Развивая эту мысль и только для себя, Бартини делает тем не менее далеко идущие выводы о том, что в самой идее мироздания заложена некая статистическая игра, состоящая из определённого сочетания цифр, основанная на нумерологии, и – прочь мистицизм с его непредсказуемостью! – в этом что-то есть...

Не хотелось бы здесь до конца следовать за Бартини, но какое-то сочетание цифр в годе их рождения с Шаргеем долело над ними! По крайней мере, в соприкосновении наших персонажей с другими, помеченными этой злой меткой. Здесь вывязывались такие петли, переходящие в тугие узлы, которые легче было разрубить! А что до упомянутой «статистической игры», то вот она: людей мужского пола, родившихся 1897 году (в год первой всероссийской переписи населения), осталось всего 13%. Война, вернее – две войны, тому причина.

...Между прочим, довольно гладкое перечисление основных дат в биографии Александра Шаргея до того, как он стал Кондратюком, несколько настораживает. Почти у всех, писавших и снимавших фильм о нём, как-то сами собой выпали из оборота почти два года – 1920 и 1921. Прослеживается даже некоторое умолчание, некое желание быстрее пробежать этот период в его жизни.

Стоит начать с того, что каждый биограф имеет право на своё видение, свою интерпретацию событий, если они не рас-

ходятся в общем и целом с действительностью. И он же вправе оспорить отдельные вехи этой «действительности», вызывая сомнение.

Лично мне некоторые повороты в жизни Шаргея-Кондратюка вплоть до конца 1922 года видятся по-иному, если их связывать с историческими реалиями того времени... Известно, что по отцу Александру Шаргей был выходцем из пресловутой черты осёдлости большой еврейской семьи. За эту унижительную черту еврейских местечек по законам царского правительства не имел права выезжать ни один житель, если он, к примеру, с разрешения властей не направлялся к учёбе или не нанимался временно производить какие-то работы в других местах, но опять же с разрешения местного исправника.

Был, правда, ещё один выход: принять крещение при изменении семейного положения. Это, кстати, и сделал отец Александра перед женитьбой на Людмиле Львовне Шлиппенбах и по её настоянию. Но жизнь его от этого легче не стала.

Гоня прочь многословье, привожу в этой связи воспоминания дочери А. И. Деникина – Марины Деникиной-Грей, блестящей журналистки, автора многих газетных и журнальных публикаций во Франции, Германии и Америке:

«Нельзя сбрасывать со счетов и еврейский вопрос. Волна антисемитизма охватила юг *задолго* до вступления Белой армии в *черту осёдлости*. Она проявлялась ярко, страстно, убеждённо в верхах и низах бюрократии, в народе и в армии, у простолюдинов, повстанцев, петлюровцев, красноармейцев, зелёных и белых. Войска юга России не избежали общего недуга и тоже запятнали себя еврейскими погромами... Добровольцы питали глубокое предубеждение против евреев, писал в английской прессе военный корреспондент Джон Эрнест Хоусон...»

От себя добавлю, что именно в это смутное время украинец Симон Петлюра объявил антисемитский крестовый поход сначала в Киеве, а потом и в Одессе... Что ж, своё, как говорится, он получил позже во Франции, отмщенный за все погромы и физическое уничтожение инакомыслящих...

Но вернёмся к Александру Шаргею. Со времён его отца обстановка на Украине не очень-то изменилась. И его смуглому, кудрявому сыну, рослому и симпатичному, было чего бояться: недавние махновцы, петлюровцы, зелёные, белые и прочие простолюдины – они же вот, рядом! Мало ли что? У толпы одно понятие – хватать и топтать!.. А тут ещё появились представители Добровольческой армии Дени-

кина, ходят по дворам, приглядываются к встречным, заставляют молодых людей подписывать контракты волонтеров на четыре месяца.

Почему именно на четыре? Наверное, думали в штабах, что за этот срок управятся с большевиками... А в контракте чёрным по белому было обозначено, что в условиях освободительной войны лицо, подписавшее его, «независимо от прежних званий и наград, если потребует Родина, готово встать в общий строй рядовым». Серьёзный документ!.. Можно только представить себе, что, попади он вдруг годом-двумя позже в руки нового правосудия и...

Да, не очень-то уютно чувствовал себя Шаргей в самом конце 1919-го, да и в 1920-м. Он ведь тоже подписал этот злощастный контракт, правда, сбежал из эшелона по дороге в Екатеринодар. Но, оставшись без гражданских документов, вообще не знал, как быть и что дальше делать... И не один он, конечно, сомневался, что молодая Украинская республика всё так уж и простит своим заблудшим сынам.

Весь 1920 год Александру Шаргею пришлось вести скрытный образ жизни. Он и смазчик колёсных пар вагонов на маленькой станции, и механик при мукомольной мельнице... Много чего перепробовали его мозолистые руки: знал бы раньше, поделится бы мозолями с молодым Роберто. Но это так, к слову... Шаргея иногда останавливали различные патрули, но при виде его действительно натруженных рук тут же отпускали.

Часть 1. С ЧИСТОГО ЛИСТА

В конце 1920 года, к зиме, власть на Украине стала наращивать свои мускулы. Молодой республике повезло хотя бы в том, что у неё появился свой «староста», член партии большевиков с 1897 года (как видим, порядок цифр тот же). Но не будем отвлекаться!

Григорий Иванович Петровский был, действительно, хорошим хозяином и хорошим организатором – даже в пределах той системы, которая имела место быть... Он глубоко понимал ментальные, бытовые и конфессиональные различия между этносом собственно Украины и бывшими владениями «доброто цисаря Франца-Иосифа».

Чего греха таить, линия конфессионального, да и ментального в какой-то степени, разлома и тогда проходила, и сейчас всё ещё прослеживается по довольно широкому пограничью между Большой Украиной и Галичиной... Григорий Петровский видел реальное положение вещей, не призывал переделывать

этих «западников», стараясь гасить националистическую ненависть их по отношению ко всему юго-востоку Украины и отрицание ими его права на выбор языка, веры, культуры.

Главное же, с чего начал Петровский, так это с призыва народа Украины к объединению. Сюда вошли и первые воззвания ко всем сыновьям и дочерям, живущим вне территории республики, помочь родной стране восстановить разрушенное войной хозяйство... В газетах писалось о том, что «мы заочно прощаем всех бывших офицеров царской армии и поздних формирований, если они вернутся домой с желанием честно служить трудовому народу»...

Итак, бывшему прапорщику царской армии и несостоявшемуся добровольцу-деникинцу Александру Шаргею новая власть на Украине выдаёт карт-бланш. Остаётся заполнить его. Но он, Александр Шаргей, не спешит это сделать. Почему?

Думается, здесь всё дело в многочисленных «строителях» его биографии и в их доверии к памяти родственников Шаргея. А она, эта память, увы, избирательна, не всегда верна и не до конца правдива.

Надо полагать, Шаргей всё же получил паспорт на своё имя в 1921 году и с этим документом был вскоре задержан при попытке перехода границы. Косвенно об этом известно из нескольких источников. Есть два письменных сочинения учеников выпускных классов колледжей Новосибирска и Полтавы. В них подробно описывается подготовка Александра Шаргея к задуманному им мероприятию – обязательно попасть в Мюнхен. Даже в самой этой подготовке к переходу границы прослеживается характер Шаргея – и то, как он запаивает банки с продуктами, и как приготавливает эти продукты для длительного хранения... Не из пальца же ведь всё это высосали ученики?

Есть ещё одно косвенное свидетельство, на этот раз пограничника, называвшего имя и фамилию своего заместителя начальника заставы – Кастуся Брониславовича Калиновского. Это случилось осенью 1921 года в районе млыновского погрангарнизона... На заставу привели под руки еле державшегося на ногах высокого молодого человека. По щекам его градом катился пот. Только взглянув на него, Калиновский вскрикнул: «Да у него же сыпняк, этого нам только не хватало! Везите его немедленно на станцию в тифозный барак!»

Больной по дороге бредил о каких-то немецких ракетах. В бараке санитары проверили при пограничнике его вещевой мешок. Там лежали несколько банок с

консервами и какая-то общая тетрадь. Сопровождавший больного просмотрел его паспорт и со словами: «На том свете пригодится!», – отдал его санитарам.

На заставе были уверены, что этому парню из тифозного барака уже не выбраться... Вот и весь рассказ пограничника, прозвучавший на республиканском радио осенью 1970 года. Фамилии Кондратюка не называлось, но передача была именно о нём... Даже в то время, когда он стал уже всемирно известен, вокруг него всё ещё слагались легенды...

Но рассмотрим и такую версию: паспорт в тот раз Шаргей не получал. Причина? К чему продолжать скрытно жить и дальше, когда тебя уже ни в чём не обвиняют?

Вместо этого проходит ещё почти год, затеваются какие-то непонятные движения для получения необходимого документа. И участвуют в этом сомнительном мероприятии вполне достойные люди, старые большевики-ленинцы, одна из них – хорошая знакомая Крупской, другая – урождённая Крыжановская. И... по предъявлении профсоюзного билета (А. Раппопорт, «Траектория судьбы», Новосибирск, 2008 г.) Шаргей умудряется получить паспорт (!). Более того, успешно меняет имя Александр на Юрий... А ведь паспортный стол – не церковь, где это довольно легко было сделать...

Некоторые сомнения, по всему видно, одолевают и автора книги.

Он не так уж и случайно предупреждает в ней, что к отдельным фактам и датам, относящимся к биографии (надо полагать, к любой биографии. В. М.) приходится подходить «с большой долей сомнения»... Возьмём и мы на заметку это предупреждение, относясь критически к отдельным фактам из жизни наших героев.

Ну и не будем забывать, что все сведения о Шаргее-Кондратюке, уже в период его широкой известности, были расплывчаты, давались соответствующими органами сквозь зубы... Всё ещё была жива легенда о том, что он, якобы, сдался в плен в 1941-м, потом работал у немцев в ракетной программе Вернера фон Брауна и в конце войны оказался вместе с ним в США...

Нам с этим враньём не по пути! Но вернёмся к концу 1921-го, к его осени. Автор книги пишет, что именно в этот период Александр Шаргей долго болел сыпным тифом... Что ж, примем это за констатацию факта. А вместе с читателем постараемся понять, что в желании Шаргея попасть в то время за рубеж, в Мюнхен, ничего предосудительного не было... В то время ещё не успел сложиться так назы-

ваемый образ советского человека, безусловно, бездумно отрицающего всё заграничное и видящего в каждом иностранце чуть ли не шпиона... Россия, в том числе и Украина, всё ещё, как и в прежние времена, высылала неугодных за рубеж. Довольно беспрепятственно покидали отчизну и представители технической интеллигенции, учёные.

Так что сам по себе этот шаг, который мог предпринять молодой Шаргей, моральному осуждению в то время не подлежал. А сейчас бы – тем более!

Заодно отметим, что ещё больше домыслов и легенд о своей жизни оставил нам после себя «красный барон» Роберт Людвигович Бартини.

Они, одногодки, прямой и дальний потомки баронов (Бартини и Шлиппенбах), так никогда и не встретились в жизни, хотя и топтали в прошлые времена одни и те же улицы Новосибирска. А вот судьбы их много раз пересекались независимо от них самих, словно держась за тонкие, невидимые нити их напряжённого бытия. И они оба, независимо друг от друга, определили для себя в жизни одну главную установку – борьба за скорость или, скажем так: борьба за максимум длины пространства, втиснутого в единицу времени. И в этом, главном для себя постулате, они были как близнецы – братья.

Часть 2. В НОВОМ ОБЛИЧЬЕ

Незадолго перед тем, как начать новую жизнь в стране Советов, Роберто Бартини был введён в группу, обеспечивающую охрану руководителей коммунистической партии от фашистов, которые рвались к руководству Италией.

Эта же группа опекала советскую делегацию во главе с наркомом иностранных дел Георгием Чичериным на Генуэзской конференции в 1922 году... А годом позже к власти в Италии пришёл диктатор Бенито Муссолини, и молодому коммунисту, активно зарекомендовавшему себя, пришлось тайно переправляться в Москву. Огромного отцовского взноса, внесённого сыном в фонд компартии Италии, Роберто Бартини фашисты не простили бы...

В память о том непредсказуемом времени сохранились две фотографии. На одной – молодой денди, надменный и неприступный, на другой – типичный для Италии деклассированный лаццароне... Нормальные маскировки! Но и они не помогли, полиция быстро вышла на след неугодного барона, скрывавшегося в воюющих ночлежках. И пришлось Бартини срочно через Германию перебираться в Петроград.

В Москве его встречали делегат от КПИ в исполкоме Коминтерна, будущий руководитель компартии Италии Антонио Грамши и начальник разведуправления РККА Ян Берзин. Наверное, просто так на подобные встречи ведущие разведчики страны не ходят. Тем не менее Берзин и Бартини тепло поздоровались как старые знакомые. Значит, ранее знали друг друга... А вскоре к тем двум фотографиям добавилась третья, с надписью на обороте: «Москва, 1923. Мерзляковский пер., общежитие Реввоенсовета». На фотографии Бартини со своей щедрой улыбкой во весь рот: смотрите, мол, какой я довольный. И без маскировки!..

Через какое-то время Роберто Бартини был принят заместителем начальника штаба РККА Михаилом Тухачевским... Войдя в кабинет, Бартини поднёс к правому виску сжатую в кулак полусогнутую руку. Это был общепринятый знак салюта красных бригад, сражавшихся за независимость Италии под руководством Гарибальди в середине XIX века.

Тухачевский, кивнув, улыбнулся. Ему сразу понравился этот итальянец с его гарибальдийским салютом. Он стал спрашивать его о марках истребителей и мощности иностранных моторов, которые следовало бы закупить в Италии и Франции для воздушного флота России. Обстоятельные, лаконичные ответы Бартини только укрепили будущего маршала в том, что этого итальянца надо быстрее привлечь к делу. Закрывая разговор, Тухачевский переспросил Бартини:

– Значит, красные самолёты должны летать не только быстрее, но и дальше чёрных, я вас правильно понял?

– Так точно, быстрее и дальше! – чётко по-военному ответил Бартини и, широко улыбнувшись, снова поднёс кулак к правому виску.

– И вы нам в этом поможете! – прихлопнув по столу ладонью, произнёс на прощанье Тухачевский...

Можно, конечно представить, да и то с трудом, всю эту смену обстановки, в которой оказался Роберт Людвигович Бартини. Поменять личину проще, наверное. А вот как быть с мышлением, с менталитетом, который не очень-то поддаётся ломке привычного образа жизни, отказу от сложившихся ранее ориентиров. Через всё это Бартини пришлось пройти, словно через турникет, гатовый то и дело захопнуться перед самым носом.

Но кое-что оставалось нерушимым, прежде всего раз и навсегда установленный порядок в комнатах, в которых он жил. Правда, порядком это, даже с натяжкой, назвать было трудно. Тут, как говорится, хозяин – барин!.. Сотоварищ его

по работе в Новосибирске и в Москве, Яков Сергеевич Щербак, «чистильщик» его проектов с точки зрения словесности (вспомини: «как слышится, так и пишется»), рассказывал:

«В свою комнату – о рабочем столе в служебном кабинете и речи не идёт! – он не допускал даже жену с ребёнком, которого очень любил. Для них существовала отдельная квартира... Представьте себе навалом, в несколько слоёв, брошенные на пол чертежи, журналы, газетные вырезки: ногу некуда поставить! Но вот над всей этой кучей нависает Людвиг и мгновенно выуживает нужное. Поразительно!..»

Начал он свою работу на новом месте и как бы в новом обличье на опытном аэродроме ВВС (бывшая Ходынка) экспертом технического бюро. По существу, пришлось ставить наново всю эту работу по созданию нужной документации для всех видов самолётов, в то время существующих, их тактико-технических данных, мощности моторов и многого другого... Здесь же Бартини поднимался в воздух, испытывая новые приборы и моторы. Окружающие принаравливались к нему, он – к новому окружению... Исподволь, наверное, но его тянуло к морю, к которому он привык с детства. И вот он уже, почти волей случая, оказывается в Севастополе, где возглавляет экспериментальную группу по проектированию гидросамолётов. Вот это уже его работа: проект и следом – эксперимент! А если точнее – то и другое одновременно.

Здесь он впервые ставит опыты по коррозии металла самолётов в морской воде. Здесь же были опробованы и проведены совершенно новые, уникальные виды контактной электросварки нержавеющей и мартеновской сталей, не имеющие аналогов в мире.

В 1931 году «красный барон» получает звание комбрига, что ныне соответствует званию генерал-майора. Ещё через год по рекомендации начальника вооружений РККА Тухачевского – новое назначение: Бартини предлагают стать главным конструктором СНИИ (завод № 240). И здесь Роберт Людвигович начал настоящую погоню за претворение в жизнь своего девиза: «Красные самолёты должны летать быстрее чёрных!»...

Он не монтировал свои предварительные конструкции, хотя прекрасно знал, как это делать, а именно высекал в своих расчетах, как скульптор, абсолютно точную копию того, что хотел увидеть. И всегда радовался словно ребёнок, если это получилось в яви.

С окружающими его людьми он был почти всегда корректен, но не терпел без-

дарей... По свидетельству Александра Кудрявцева, который встречался неоднократно с работниками, знавшими Бартини не понаслышке, они делились на два лагеря. На практике это выглядело примерно так: большая половина – за, остальные – против... Но тут требуется разъяснение. Бартини, скажем, предлагал разработчику, конструктору как бы сыграть с Природой в шахматы, держа в кармане пешку.

А мысль высказывалась такая: если игрок найдёт ход, в котором будет иметь право один раз поставить эту пешку на нужную клетку, он станет победителем... Но разработчик обязательно должен знать, куда её поставить, то есть он должен подготовить ситуацию для выигрышного хода...

Не все соглашались на такую игру, спорили, уходили... Бартини иногда возмущался, что иной практик под его началом защитит кандидатскую диссертацию, а потом начинает искать себе «спокойное болотце», чтобы до конца жизни стричь купоны, доить государство за устаревшую разработку... И он постоянно указывал подчинённым на необходимость мыслить диалектически, обязательно использовать в связке диалектику и математику для анализа ситуации.

В этом контексте очень показателен пример, приводимый авиатором и писателем Игорем Чутко, который хорошо знал Бартини: «Он был очень горяч. Не сможешь работу сделать в срок, сразу тащит тебя к плакату: видишь, мол, капиталисты диалектики не знают, а противоречия устраняют!»

Оказывается, на этих плакатах, которые постоянно обновлялись, в трёх координатах (скорость, дальность, время или – скорость, грузоподъёмность, время и т. д.) «фиксируются все новые достижения в мировом самолётостроении... Каждый самолёт обозначался точкой в пространстве плаката. В соединении с отдельными координатами кривые здесь то плавно росли, то совершали резкие скачки».

Вот на такие скачки и обращал внимание Бартини, когда указывал, что капиталисты сумели преодолеть данную трудность, казавшуюся до этого неразрешимой...

– Вообще, – любое КБ, начиная с середины 30-х, создавалось под Бартини, – заключает Игорь Чутко.

Перечислять дотошно всё то, что делал для нашей страны Роберт Людвигович Бартини, и книги не хватит. Многие его разработки до сих пор – в действии... Со всем не случайно Сергей Павлович Королёв называл его своим учителем. И си-

деть им приходилось в одной шарашке вместе с Туполевым.

... А другой гражданин советской страны, но, увы, с подложным паспортом на имя Юрия Васильевича Кондратюка, тоже не избежал подобной участи, крепя мощь державы в шарашке по горно-шахтному оборудованию – и тоже в Новосибирске.

Мы уже согласились с тем, что сменить личину проще, чем поменять внутренние человеческие механизмы для пребывания на этой грешной земле. Не сменишь и мозги... На счету Юрия Кондратюка, можно сказать гения-самоучки, неповторимого самоделкина, столько удивительных приспособлений, заменяющих ручной труд, что другому этого хватило бы на несколько жизней!

Всего один пример. Работу одного из механизмов, придуманного Кондратюком, мы часто видим на ближайшей стройке. Это – грузовая стрела с подвешенным на тросе механическим грейдером. При свободном падении его челюсти, раскрываясь, вгрызаются в грунт, смыкаясь и захватывая его при обратном движении вверх... В одной из своих ранних тетрадей он отмечал: «Альберт Эйнштейн – 16, Лев Ландау – 10, Норберт Винер – 14, я – 16»... Чего они достигли в эти свои годы, Кондратюк не расшифровывает. Но позднее, в письме к рецензенту своей рукописи, он признаётся, что интегрировать и дифференцировать научился в 16 лет. Нам остаётся лишь домыслить, что мировые светила науки, перечисленные в тетради, делали то же самое в ранние годы.

Но вот каждый ли из них нуждался в хлебе насущном так, как нуждался он?.. Молодой Кондратюк не чурался никакой работы, которая ему попадалась в те годы и, увы, отвлекала его от главного для него дела. В такой ситуации одни просто вытаскивают, скажем, болты, навинчивают тупо гайки, крутят рулевые механизмы... Другие, а таких найдётся немного в каждом столетии, между таким делом могут ещё и блоху подковать. И Юрий Васильевич Кондратюк умел это делать!

Его могучий талант изобретателя «выдавал» огромное количество новинок и усовершенствований – и в элеваторном, и в шахтном оборудовании. Добрая половина патентов на усовершенствования и изобретения пришлась как раз на сибирский период его жизни...

А имущества у нашего героя – всего лишь один объёмистый складной портфель, в котором лежат спальный мешок, бритвенный прибор и тетради с расчетами трасс вземных кораблей. Всё!.. Так легче подниматься на очередную орбиту к любой новой работе...

Вот и сейчас путь лежит в Западную Сибирь. Он остановится на два дня в Москве, забежит к своему рецензенту Владимиру Петровичу Ветчинкину, учёному-аэродинамику. Тот снова разведёт руками: тянет, мол, резину издательство!..

Мне лично, автору нескольких книжек, журналисту (не писателю!) с шестидесятилетним стажем, не единожды пришлось испытать на себе тяготину московских издательств. Там тебя могут по-братски обнять, посетовать, что редактор отсутствует и будет только на следующей неделе. Сам, мол, знаешь, как у нас, в столицах, вопросы решаются: на запись – день, на подпись – день, на опись – день, на пропись – день, ну и на выпись – день. Так что, забегай попозже!.. И хохотнут вдобавок...

Вот и сейчас Ветчинкин только пожмёт плечами. А ведь он дал на статью Кондратюка о межпланетных путешествиях обстоятельный отзыв – рекомендацию:

«Такие крупные таланты-самородки чрезвычайно редки, и оставление их без внимания с точки зрения государства было бы проявлением высшей расточительности...»

По поводу проявления высшей расточительности и редкости крупных талантов столица в конце концов распустила по-своему. Но об этом – позже.

На книжном развале, в районе Кузнецкого моста, Кондратюк выудил любопытный инженерный справочник на немецком языке автора Фелянда. Этот справочник, изрядно потрёпанный, повидавший виды, истёртый по углам от частых листаний мозолистыми пальцами Кондратюка, с его пометками, хранится ныне в мемориальном музее его имени...

А хозяин справочника начал свои путешествия по бескрайним просторам Сибири. Владения краесибирской конторы «Хлебопродукт» простирались от северных районов Томской области и до предгорий Алтая на юге. А с запада на восток – от дальних границ Омской области, включая северо-восточную часть теперешнего Казахстана, и до Иркутска.

– Две Франции перед тобой со всеми речными причалами! – высокопарно объявил новому инженеру его начальник Пётр Горчаков.

Кондратюк, привыкший иметь дело с точными науками, на досуге пересчитал квадратные километры своей будущей державы. Цифры-то, оказалось, Горчаков изрядно уменьшил! Сюда нужно было включить ещё одну Францию и добавить к этому хотя бы Голландию... А здесь, с запада на восток, тянулся незатейливой змейкой Сибирский тракт и параллель-

но ему бежала до Тихого океана железная дорога.

И вот новый инженер-механик элеваторного хозяйства «трёх с гаком Франций», продолжая урывками работать по своей главной теме, о которой вскоре узнали и сослуживцы, стал повсеместно налаживать долгосрочные хранилища зерна.

Однажды, после очередной поездки, Кондратюк, толком так и не выславшийся, был разбужен дружным хором:

«Твой одичалый вид пугает и тревожит

Оброс ты и не брит. Что сердце твоё
гложет?

Живёшь ты как монах и сыт единым
хлебом,

Ты – облако в штанах! И занят только
небом»...

Юрий Кондратюк, окончательно проснувшись, тут же ответил экспромтом:

«Женщин я не признаю,

С детства я Луну люблю,

О свиданьях с ней мечтаю,

Экипаж изобретаю...

Полечу я к ней в ракете,

Словно в собственной карете»...

Так он встретил в Сибири своё тридцатилетие. Здесь ему работалось хорошо, плодотворно. А на Украине, судя по письмам, начались какие-то непонятные разборки. Там властвующий с недавних пор Лазарь Каганович, совмещая несколько должностей, как в прежние времена, был «и Бог, и царь, и воинский начальник». Он заменил почти всех руководителей предприятий республики и вузов, в Киеве и Харькове установил негласную квоту на приём в институты – 50% коренного этноса и по 25% русских и евреев.

Что ж, старые большевики, по собственному их признанию, разными там «фобиями» хоть и не страдали, а всё же среди них было изрядное количество, причисляемых к пресловутой «пятой» графе. Некоторые, спасая свою шкуру, готовы были утопить, кого угодно... Тот же Лазарь Моисеевич не пощадил даже родного брата Михаила Кагановича, народного комиссара авиапромышленности, и сам, будучи в роли комиссара, просто «сдал» того Сталину... Как видим, аппаратные игры по принципу «бей своих, чтоб чужие боялись!» придуманы не сегодня. Только вот у кого в итоге чубы трещат?

...В Бийске у Кондратюка произошла случайная встреча с человеком, с которым он проговорил в гостиничном номере до утра. Обычно не очень многословный, сосредоточенный, уходящий в себя при своих заоблачных думках, Кондратюк так и не полез до утра в свой спальный мешок, в котором он привык спать на полу, раздевшись донага.

Они опростали с собеседником за ночь большой чайник кипятка, который каждым заваривался по-своему. Кондратюк пил солёный чай с молоком и маслом, его сотоварищ по номеру – с подвяленными листьями бадана и медвежьим корнем – дарами алтайских предгорий.

Этот спокойный, располагающий к себе человек, оказывается, был до недолгого колчакавского властвования военным министром Временного Всероссийского правительства, созданного в 1918 году в Уфе, так называемой – Уфимской директории. Всего этого Кондратюк, естественно, не знал, беседуя с бывшим царским генералом Болдыревым. Василий Георгиевич так и не потерял своей стати. Он был чуть ниже ростом своего собеседника, держался непринуждённо и быстро расположил к себе Кондратюка.

Юрий Васильевич уже разделался со своими заботами в Бийске. Элеваторное хозяйство содержалось здесь неплохо. Он внёс лишь некоторые изменения в механизм подачи зерна в вагоны. А Болдырев возвращался с притоков Катуня... Он уже несколько лет ратовал за то, чтобы ставить на небольших сибирских реках не плотины, а «ветряки», как это делали в Голландии. Вот об этих ветровых электростанциях они и проговорили всю ночь.

Болдырева, наверное, не могла оставить равнодушным «счётная машина» в голове Кондратюка. Тот без логарифмической линейки буквально сходу вычислял основные и сопутствующие величины подачи энергии и её неизбежных потерь, возражал собеседнику, находил новые препоны в реализации и, скажем так, в идеологии самого проекта... Он, Кондратюк, ещё не знал, что пройдёт немного времени и судьба подкинет ему новый поворот событий. Ему придётся снова сменить профессию, на этот раз – да-да! – на ту самую, на «ветровую».

За несколько лет до начала войны он под непосредственным руководством самого Орджоникидзе, наркома тяжёлой промышленности СССР, займётся проектированием крупнейшей в стране ветровой электростанции в Крыму... В 1935-м Юрий Кондратюк покинет Новосибирск. Вместе со своим бывшим руководителем Петром Горчаковым и молодым учёным Николаем Никитиным, будущим лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР, полученных за проектирование и строительство Останкинской телебашни, они представят конкурсный проект «ветряка», который в наркомате тяжёлой промышленности признают лучшим. В 1937 году на горе Ай-Петри в Кры-

му начнётся возведение фундамента станции...

С нового, только что выстроенного железнодорожного вокзала в Новосибирске Кондратюка с Горчаковым будет тепло провожать сослуживцы, с которыми он, Кондратюк, проделал на сибирских просторах огромную работу, сэкономившую стране миллионы рублей.

Элеваторы Кондратюка стояли долго. Автору этих строк удалось застать одно из этих сооружений в городе Камень-на-Оби. В середине шестидесятых минувшего века оно ещё работало. Сам Кондратюк именовал его «Мастодонтом». Без единого гвоздя, полтора десятка таких механизированных зернохранилищ по всей Сибири были поставлены на манер срубов, а брёвна их прочно соединены «в лапу». В длину 60 и в ширину 30 с лишним метров, это сооружение было способно принять свыше 13 тысяч тонн зерна (свыше трёхсот двадцати пяти железнодорожных вагонов на ту пору).

Это был его проект! В сравнении с рекомендованным – шведским проектом, Кондратюк на одних только гвоздях, дефицитных в то время, да ещё за счёт не менее дорогих струганных реек сэкономил стране на каждом из строений десятки тысяч рублей.

Страна это оценила по-своему: арестовала мастера, предъявив ему обвинение во вредительстве (как это так – без единого гвоздя?!) и усадила в одну из первых своих шарашек, которые вскоре начали расти как грибы... Но тогда, на заре их возникновения, следственные органы ещё не поднаторели в «выбивании правды». Новосибирский следок Серафим Попов, отличавшийся позже в своих жестокостях, был даже благосклонен к Кондратюку: «Посидишь три года за самовольство!» Так оно и вышло.

А через год после того, как Кондратюк будет реабилитирован и покинет Новосибирск, здесь арестуют его бывшего собеседника «по ветрякам». Василий Георгиевич Болдырев будет обвинён во всех смертных грехах... Он к тому времени принял самое активное участие в подготовке издания «Сибирской энциклопедии». Вышло уже три тома, готовился четвёртый.

Но кому-то в центре это не понравилось. Столица подняла разговор о чуть ли не возрождающемся сепаратизме в Сибири. Из ЦК ВКП (б) позвонили в Новосибирск первому секретарю Западно-Сибирского крайкома Роберту Эйхе, жёстко предупредив, что все «истории» должны писаться в Центре, а не на местах.

После этого судьба всей сибирской редколлегии была решена. Не пощадили

даже редактора, старого большевика, первого корректора ленинской «Искры» Вениамина Вегмана... К тому времени следователь Серафим Попов с «политическими» уже не церемонился. Тем не менее вопреки всему четвёртый том «Истории Сибири» всё же вышел – изрядно, увы, обстриженный...

Сибири вообще не везло долгое время с системными продолжениями различных «Историй», в том числе и литературных... Но это, как говорит один из бесценных наших телеведущих, «совсем другая история».

А мы на своей машине времени, которая нас не подводит, вернёмся в год 1927, к подготовленной для печати рукописи Юрия Васильевича Кондратюка. Её, как мы знаем, уже начали потихоньку мариновать в различных инстанциях столицы. И как говорится, что толку из того, что рецензент, профессор Владимир Ветчинкин пишет: *«Труд этот – наиболее полное исследование из всех до сих пор существующих по межпланетным сообщениям в русской и иностранной литературе!»*

В подготовленной для печати книге, – пишет далее рецензент, – «освещены с исчерпывающей полнотой все вопросы, затронутые в других сочинениях, и кроме того, разрешён ряд вопросов первостепенной важности, о которых другие авторы не упоминают...»

Под другими авторами, надо полагать, подразумевался в том числе и Циолковский с группой энтузиастов, мечтающих покорить мировые пространства. Неоспоримо, что Циолковский считался – и это факт! – первооткрывателем, пионером, как он сам говорил, «запредельного воздухоплавания». Но у него не было – и это тоже факт! – выверенных, скрупулёзно рассчитанных пусков кораблей, режимов температуры, при которых должна разрушаться обшивка ракеты, не было физически рассчитанных нагрузок на сам корабль и на пилота, который должен находиться внутри корабля в определённом положении.

В Константине Эдуардовиче Циолковском мы должны видеть именно идеолога, философа, который предвидел будущее человечества вне пределов Земли.

А Юрий Васильевич Кондратюк, имея с ним переписку, шёл своим, так сказать, параллельным курсом, будучи гениальным инженером, механиком, полностью посвятившим себя одной, единственно важной для себя задаче – правильно, без сомнительных последствий, с помощью отлаженных работающих механизмов иметь возможность покинуть Землю и, если понадобится, вернуться обратно...

Задержались мы в 1927 году ещё и потому, что в Москве открывалась «Первая мировая выставка межпланетных аппаратов и механизмов». Было это как раз в те дни, когда перед выездом в Новосибирск, Кондратюк забежал к профессору Ветчинкину узнать, как движется его рукопись к печатному станку. Профессор ничем его не порадовал: путь до печатного станка пока был непреодолим... Но выставка! О ней кричали все газеты. А Кондратюк её как будто игнорировал. Во всяком случае, в более поздних книгах о нём не сказано об этом ни слова, хотя выставка стоила того, чтобы посетить её. А раз так, побываем-ка мы не ней, открыв время назад, вместо Кондратюка.

...Этого дома в центре Москвы давно уже нет, его снесли после реконструкции улицы Горького, бывшей и нынешней Тверской. На здании с большой витриной красовался в ту пору голубой диск Земли с нацеленной вверх космической ракетой. Большие буквы на вывеске об открытии выставки невольно привлекали прохожих. Недавно в Москве было организовано Центральное бюро по исследованию ракетных проблем. В него вошли К. Э. Циолковский, Ф. А. Цандер, А. Я. Фёдоров, А. Л. Чижевский. Вот они и были организаторами выставки.

Были разосланы письма с приглашением посетить это мероприятие всем, кто занимался ракетной техникой и межпланетными полётами. Откликнулись на письма многие, но не каждый имел возможность приехать. В этой связи представляет интерес письмо Макса Валье (того самого, с которым давно уже мечтал встретиться Юрий Кондратюк):

«К сожалению, я ещё не имею ракетного корабля, который позволил бы преодолеть пространство от Москвы до Мюнхена. Но я надеюсь, что такое чудо свершится через несколько лет и приведёт к освобождению людей от ограничивающих их понятий, господствующих в настоящее время в обществе, как то: область, село, город, деревня, страна, государство. Полёт в мировое пространство станет слиянием техники и культуры»...

Комментировать это письмо – только время терять. В правильном направлении работала голова у этого Валье, к сожалению, погибшего вскоре при испытаниях ракетного двигателя в Куммерсдорфе!

Были и другие письма и даже декларации. Как тут не сказать об авторе проекта ракетомобиля А. Я. Фёдорове, который именовал себя «инвентистом внеклассовой аполитичной ассоциации космополитов Вселенной» (здесь inventio – изобретение, выдумка. – В. М.)

– Мы, космополиты, изобретём пути в миры! – провозглашали сподвижники Фёдорова на этой выставке.

Как видим, «космополит» в то время ещё не было ругательным словом, и известному ведомству эти инвеститы были неинтересны.

Судя по антуражу, царящему вокруг и внутри выставки, организаторы её не очень-то представляли всех сложностей космического полёта, но искренне верили в его реальность. И скажем, верили настолько, что завели специальный журнал, где предлагали записываться желающим лететь на Луну. А в ведущих российских газетах репортажи с выставки перемежались с иронией: «Слушаешь всё это и представляешь себе окошко в кассе станции межпланетных сообщений и эдакое небрежное требование пассажиров с просьбой дать билет на ракету-экспресс до Луны и обратно»...

Нет, трудно, почти невозможно представить себе, что все эти газетные сообщения с выставки проходили мимо Юрия Кондратюка, как бы ни был он занят. Мне могут возразить, как это неоднократно уже делалось, что он был осторожен, не хотел «светиться» и т. д.

Да ерунда всё это! Не был он ни трусом, ни серой мышкой, забившейся в укромную норочку. Вспомним, хотя бы, как он сходу отмёл шведский проект возведения элеваторов в Сибири, отмёл смело, на свой страх и риск, и настоял «на варианте Кондратюка!» Да и шарашка, в которой он оказался из-за этого варианта, не помешала ему завершить свой главный труд жизни – «Завоевание межпланетных пространств». Пусть на свои средства, но эта книга впервые была издана в Новосибирске. И уж поверьте, не страдал он вовсе от того, что на обложке книги стояла фамилия Кондратюка. Сам по себе миф этот давно стал удобнее правды, оставленной там, на родине... Фридрих Ницше, наверно не без повода, утверждал: «надевший маску срастается с личиной»...

На улице Советской, рядом с которой жил в Новосибирске Юрий Васильевич, открыт мемориальный музей его имени, рядом – площадь Кондратюка. Мы ещё вернёмся сюда и закончим рассказ об одном из наших героев – Почётном гражданине Новосибирска Юрии Васильевиче Кондратюке.

А вот как жилось в то непростое время другому персонажу нашей повести?

Часть 3. ПО НАРАСТАЮЩЕЙ ТРАЕКТОРИИ

Если начинать перечислять всё, сделанное Робертом Людвиговичем Барти-

ни, много воды утечёт! К началу тридцатых он закончил проект морского бомбардировщика МТБ-2 и экспериментального истребителя «Сталь-6». На этом самолёте был установлен мировой рекорд скорости – 420 км/час. В 1935-м был создан 12-местный пассажирский самолёт «Сталь-7» с так называемым крылом – ОБРАТНАЯ ЧАЙКА. Он экспонировался на международной выставке в Париже, где на нём был установлен рекорд скорости при дальности 5000 километров.

В конце 1935 года Бартини представил высокой комиссии, состоящей из военных и гражданских лиц, дальний арктический разведчик – ДАР, садящийся на воду и снег. Были и другие работы, засекреченные на много лет, были и научные труды в области прикладной математики и физики, философии и пр. Бартини никогда и ни в чём не укладывался в привычные для многих схемы «от и до».

«Леонардо недовинченный!» – возмущались оппоненты по поводу его шестимерного пространства, предложенного Бартини учёным мужам.

А он был вполне «довинченным», и с великим Леонардо был всегда только на Вы, хоть и научился расписываться зеркально точно так же, как этот гений эпохи средневековья...

В 1937-м Бартини вдруг было предъявлено обвинение в связях с врагами народа, в том числе и с бывшим маршалом Тухачевским, а также в шпионаже в пользу Муссолини (от которого он в своё время бежал!)... Дали 10 лет и чуть не отбили почки в следственной камере. Ведомство Малюты Скуратова к тому времени уже поднаторело в пыточных делах.

Когда его привезли из шарашки на Лубянку для отчёта о сделанной работе, Бартини заявил главарю этого ведомства Берии, что осудили его ни за что.

– Может быть, ты и не виновен, – блеснул своим пенсне Берия, подойдя к нему вплотную. – Но ты же коммунист и должен понимать, что скажут наши враги, если мы тебя отпустим... Нет, Бартини! Ты сначала сделай свою машину, и тогда мы тебя отпустим как испутившего вину. Да ещё и орденом наградим!..

Снова водворенный в шарагу, Бартини принял участие в переделке пассажирского «Сталь-7» и дальнего бомбардировщика ДБ-240... А рядом, за стеной, отгороженные друг от друга, трудились Туполев и Королёв, всегда называвший себя учеником Бартини...

Между прочим, в начале войны Геббельс уверял немцев, что ни один «камень не содрогнётся в Берлине от вражеского взрыва. Советская авиация уничтожена!»

Но авиация нашей страны не один раз

наносила удары по фашистской столице. Сначала это были ильюшинские ДБ-3Ф, а следом – бартиниевские ДБ-240, которые летали до Берлина без промежуточных посадок и дозаправок.

Да, красные самолёты могли летать быстрее и дальше чёрных! Мечта Бартини свершилась... Мы не будем говорить здесь о подножках и прочих запрещённых приёмах, которые испытал Роберт Людвигович в годы своей практической работы в различных КБ. Он до конца жизни так и не смог, например, сработаться с известным конструктором самолётов Яковлевым. Тот всегда ратовал за поршневые двигатели, Бартини – за ракетные. Основные разногласия, даже на правительственном уровне, были именно в этом.

Чего стоила только одна статья Яковлева, бывшего к тому же заместителем наркома, напечатанная в «Известиях»! Шёл уже 1945 год. А Яковлев во весь голос возвещал о том, что он пока против ракетной техники. Жив был и Сталин, всячески поддерживающий конструктора. Кому была охота нарываться на неприятности?

Современник Бартини и Кондратюка Антуан де Сент-Экзюпери оставил нам в своей книге крылатую фразу: **«Самолёт – орудие, которое приобщает человека к вечным вопросам».**

Мне, правда, не совсем нравится в данной фразе слово «орудие». Но это, скорее всего, неточность переводчика. В русском языке есть другие синонимы: аппарат, инструмент, средство...

И не слукавить бы нам, но приобщение Бартини через самолёты – и не только! – к вечным вопросам шло всё время по нарастающей траектории, как, впрочем, и у Кондратюка... Да, пожалуй, и у Сент-Экзюпери тоже. Они ведь все трое были похожи друг на друга, прежде всего, своей одержимостью в работе, ясными головами, чёткой формулировкой мыслей и, скажем так, своим постоянным содействием в поддержании некоего космического равновесия в окружающем нас сложном мире. Но это тема не нашего повествования.

Тем не менее не секрет, что природа выбирает для высоких целей людей, свободных, прежде всего, от эгоистических склонностей, задач личного обогащения, липкой привязанности к вещам и привычному быту... В этом нас убеждают исторические и нравственные примеры. Такими были в жизни и наши герои – люди особой энергетики и высочайших деловых качеств.

Трудно удержаться, чтобы не довести до читателя одну интересную мысль современных авторов Сергея и Ольги Бузи-

новских, которые начинают свою книгу «RO» такими словами: «Роберт Людвиг-ович Бартини посетил эту землю с 1897 по 1974 год»...

Авторы как бы приобщают нас к мысли, что Бартини ступил на нашу грешную Землю, явившись из космического Неведомого. Ладно, попытаемся поверить! Но очень уж лихо они подводят далее читателя к тому, что только в тюремных шарагах, в заключении (и больше нигде!) проектировались лучшие в мире самолёты и ракеты.

Почему? Да потому, что конструкторам там предоставляли в распоряжение всего одну жизненную функцию – творить, освободив их от массы мелких забот, пожирающих основное время... Откровенность авторов удивительна: «Скудность впечатлений позволяет за решёткой сосредоточиться... Тюрьма – инкубатор идей, а на воле – торопливая их реализация между Байконуром и Подлипками...»

Не знаю, смогли бы согласиться с подобной сентенцией Александр Исаевич Солженицын или мой знакомый Панин-Сологдин, упомянутый автором в его «Круге первом»? Сейчас их, к сожалению, об этом уже не спросишь. Но, думаю, вряд ли. Там, в параллельном мире, им и жилось, и думалось, наверное, совсем по-другому.

Мы с вами уже знаем, что Бартини и большинство его задумок в самолётостроении наталкивались на неприятие, прежде всего, его личности как конструктора-новатора и просто человека. Что ж, мир науки тоже населён живыми людьми!.. Мудрец Бартини, чтобы не вступать лишний раз в споры и конфликты, изготовил небольшую табличку с цитатой американского автопромышленника Генри Форда:

«Если хочешь утопить хорошую идею, пусти её в обсуждение по кругу!»

И как только кто-либо из недоброжелателей или перестраховщиков пытался затянуть обсуждение, предлагал подумать, не торопиться, Бартини тут же, молча, выставлял на стол эту табличку. Действовало безотказно!

Знал об этом изобретении Бартини и его постоянный оппонент. Ну, не любили они друг друга, что тут было поделывать? Косвенно поддерживал эту обоюдную нелюбовь и Сталин, спрашивая иногда у Яковлева: «А что по этому поводу думает хитрец Бартини?..»

Кстати, подобные или похожие чувства испытывали один к другому и Кондратюк со своим ровесником Александром Чижевским, одним из самых страстных поклонников Циолковского. Астрофизик Чижевский, зная об их переписке, в одном

из популярных журналов прямо заявлял: «Это общее заблуждение, никакого Кондратюка не существует, его просто выдумали!»

– Вы пролагаете человечеству путь к далёким звёздам, – кричал он в ухо почти глухому Циолковскому. – У вас теургическая власть, а Кондратюк универсал-самочка с пассатичами в руках!

Что ж, птенцы гнезда 1897 года пытаются доклевывать своих ровесников, которые остались в живых после двух прошедших войн! Их и так осталось мало на Руси – что-то, если не ошибаемся, около тринадцати процентов. По Бартини, если помните, это был год-людоед.

А Циолковский с Чижевским – они всегда верили в интуитивные предчувствия, навеянные светом далёких звёзд. Чижевский боготворил своего учителя за его книгу «Воля вселенной». Но и он, Чижевский, вскоре разделил участь Бартини и Кондратюка. Пребывание его в одной из дальних шарашек затянется на долгие 16 лет... Известное ведомство не верило в интуитивные предчувствия, навеянные далёкими светилами. Работа Чижевского «Земное эхо солнечных бурь» здесь воспринималась по-своему. Зачем будоражить трудовой народ, обещая ему крупные общественные потрясения и «нервно-психическую возбудимость»?.. Нет, посиди-ка ты, мил-человек, крепко подумай о своей астрологии на досуге, если он у тебя здесь будет!..

...У Бартини в одной из записных книжек дважды подчёркнуто: «Есть магические цифры и формулы, которые на всём протяжении человеческой жизни действуют как персональный нумерологический гороскоп... Владея нумерологией, необходимо прилагать нужные усилия в нужное время»... Вспомним, владея почти всеми европейскими языками, Бартини давно подчинил себя единственному универсальному правилу: как слышится, так и пишется!.. Не будем придирается к его орфографии, это не ошибки, это – его догмы...

И он был твёрдо уверен, что «у даты рождения человека – особые вибрации».

Своеобразная теософия эта, да ещё с привкусом эзотеризма – типа рациональности, – наверное, дала ему толчок к изучению высших измерений, отсюда и «шестимерность» просранства у Роберто Бартини, которой он вплотную занялся в Новосибирске.

Когда над «красным бароном» опять стали сгущаться тучи из-за неприятия им каких-то требований Авиапрома, его было решено побыстрее сбавить в Новосибирск. Характерно, что прибыл он на новое место с сопроводительным пакетом,

в котором говорилось прямо: «Не дайте Бартини что-нибудь там изобрести!»

Всевидящее государево око не оставило Роберта Людвиговича и в Сибири. Отсюда в центр шлю сообщений о его «нехорошей квартире» на проспекте Дзержинского. Подробно сообщалось о том, что этот подозрительный человек выкрасил одну из комнат в красный цвет, а по стенам у него – море с островами, в другой комнате весь потолок в звёздах. Сообщалось к этому, что Бартини объясняет сослуживцам: в первой комнате он подпитывается энергией космоса, в другой – творит.

Слались даже отчёты о связях с женщинами: «Любит посидеть на краю чуждого гнезда»... Центр молчал. Там давно уже были знакомы с причудами красного барона, с его вечно зашторенными окнами и разного цвета самодельными абажурами на рабочих столах...

Да и откуда было в то время знать этой конторе, что пройдёт всего три десятка лет, и некоторые продвинутые учёные у нас и за рубежом всерьёз назовут Роберта Бартини «самой неизвестной выдающейся личностью XX века». А во втором томе «Энциклопедии непознанного» его определяют как «пришельца с другой планеты»...

Завод № 153 (бывший «Сибмашстрой»), только перед самой войной названный заводом имени Чкалова, стал гнать для фронта истребители И-16, первую модель которого испытал сам Валерий Чкалов. Это был моноплан с убирающимся шасси. А чуть позже пошли Яки третьей, седьмой и девятой моделей. Каждая третья машина этой модификации делалась в Новосибирске.

Более половины работавших на Чкаловском, были 14-16-летние подростки из ближних деревень. Жесточайшая дисциплина, 700 граммов хлеба в день – и 33 самолёта в сутки (целый полк на протяжении всей войны!) Таков был неумолимый график завода!

По целым суткам пропадал здесь и Бартини, консультировал молодых специалистов и, вопреки сопроводилке, кое-что изобретал... Директор предприятия Иван Архипович Салащенко положил много сил на то, чтобы открыть при заводе заочно авиационный факультет. На самом предприятии эта задумка не получилась, зато в Новосибирском электротехническом институте такой факультет был создан.

А Бартини так и не оправдал ожиданий минавиапрома. Не уследили за Бартини в Новосибирске, и он «кое-что» всё же изобрёл. Здесь он создал проект самолёта Т-205. Будучи великолепным ма-

тематиком, буквально вычислил схему машины с крылом переменной стреловидности. Всё это было сделано без продувок и существенных затрат.

За год до отъезда из Новосибирска им был создан проект сверхзвуковой летающей лодки А-55, бомбардировщика средней дальности. Этот самолёт имел возможность пополнять запасы топлива с надводных кораблей в океане и с подводных лодок.

Проект этот в Москве сразу приняли в штыки: заявленные характеристики посчитали нереальными. И только с помощью Сергея Королёва удалось обосновать проект, продув в Люберцах десятки моделей с различными вариантами крыла... Усовершенствованная модель могла взлетать с водной поверхности, со снега и льда и имела скорость 2500 км/час при дальности полёта 15000 км... Это была работа на будущее!..

Пройдёт еще несколько лет. Бартини, навсегда покинувший Сибирь, будет заниматься анализом размерностей физических величин. Начало этой прикладной дисциплины положил Николай Александрович Морозов, бывший узник Петропавловской крепости. 30 лет, проведённых за решёткой в царские времена, не сломили талант и волю этого человека, как не сломился позже и сталинский узник Роберт Людвигович Бартини, подхвативший из рук Морозова знамя науки...

Волей-неволей в своих сибирских этюдах мне то и дело приходится возвращаться к прежним героям повествований. Вот и на этот раз вновь пришлось вспомнить Н. А. Морозова... Не знаю, есть ли такое правило, но его, наверное, надо обязательно сформулировать – наподобие того, что по-настоящему творческие личности обязательно пересекаются в интеллектуальном пространстве независимо от времени...

А оно, время, неумолимо подстёгивало наших героев. Бартини – весь по-прежнему в своих «взлетающих вертикалях» и именно в те годы, когда всё ещё подпрыгивал, гремя на взлётной полосе, яковлевский «бочонок».

Но великая эпоха сталинских соколов была внезапно прервана 1 мая 1960 года. В это утро две ракеты советского комплекса «Волхов» над уральским небом поразили две высотных цели – американский самолёт U-2 и наш перехватчик МИГ-19П.

Этот ракетный дуплет, – писал Игорь Чутко, – отозвался, увы, похоронным звоном над проектами и готовыми изделиями многих авиаконструкторов... На заводах Советского Союза стали резать на лом десятки уже готовых машин... Хру-

щёв сделал окончательную ставку на ракеты и уже занёс свой ботинок над трибуной ООН.

Американский президент в этот же год предложит нашей стране совместную подготовку к полёту на Луну. Мы промолчим. Мы ведь всегда и везде стремились быть «впереди планеты всей!» Ну и что в итоге получилось?... На эстраде наши острословы-куплетисты ещё долго вздыхали: «На пыльных тропинках далёкой Луны остались не наши следы»...

А Бартини не унимается. Он переводит на удобоваримый язык свою уникальную теорию шестимерного пространства и времени, которая получила название «мир Бартини».

– Прошлое, настоящее и будущее – это одно и то же, – уверяет он нас. – В этом смысле время можно сравнить с дорогой: она не исчезает после того, как мы прошли по ней, и не возникает сию минуту, открываясь за поворотом.

Ладно, углубляться дальше в эти рассуждения не очень уютно. Вспомним, как отдельные учёные, смутно уяснив кое-что в этой теории, ворчали: «Леонардо недоувинченный!»... Махнув на Москву рукой, Роберт Людвигович уехал в Таганрог. Здесь давно всё знакомо, здесь семья... На заводе имени Георгия Димитрова специализируются в основном на гидросамолётах.

Бартини проектирует один из последних своих самолётов (ВВА-14, вертикально взлетающая амфибия), преобразуя отдельное изделие в экраноплан... А в сентябре 1974 года, незадолго до своей кончины, он предлагает делать авианосцы на подводных крыльях.

– Не в свои сани прыгает! – ворчат в морском ведомстве... Да разве остановишь Бартини? Он всё рассчитал: на скорости 600-700 км/час такому авианосцу легко принять на свой борт самолёт без гашения его скорости... Каково?

Он так и остался неуёмным человеком, сражённый смертью буквально на ходу. Лёгкая смерть и тяжёлая жизнь!.. Страна наградила Бартини орденом Ленина. А сколько «его наград» получено другими?

Мы ещё вернёмся в Таганрог и окончательно попрощаемся с этим удивительным человеком. Он умер в 77 лет. Вам ничего не говорят эти цифры? А что скажут по этому поводу спецы от нумерологии?..

Настала пора прощаться и с Юрием Кондратюком. В последние два года перед войной он был занят в проектировании малых опытных ветровых электростанций, работал в Москве.

...Из рапорта лейтенанта Романенко военному комиссару Киевского района столицы полковнику Мальцеву: «6 июля 1941 года все сотрудники ПЭК ВЭС записались в ряды народного ополчения, в их числе был также и Ю. В. Кондратюк...»

Лейтенант, конечно же, не так уж и случайно выделил среди трёх десятков человек фамилию Кондратюка. Ведущему инженеру проектной конторы шёл 43-й год, он имел безусловное право на отсрочку, как тогда говорили, «броню». Но Юрий Васильевич Кондратюк не сделал этого и ушёл защищать Родину. У окраин Москвы стоял враг.

Его гражданская жена Галина Павловна Плетнёва отправила в начале января 1942 года открытку на фронт по указанному адресу: «282-й стрелковый полк, 1-й батальон, взвод связи, Кондратюку Ю. В.»

Открытка вернулась не востребованной... Всё!

Дальше были одни домыслы: ранен... контужен... погиб... перебежал к немцам...

А ещё позже стала обрастать враньём и биография Кондратюка. Не хочется всё это повторять.

Сейчас доподлинно известно, в том числе и мне: Юрий Васильевич Кондратюк погиб в двадцать пятую годовщину рождения Красной Армии – 23 февраля 1942 года... Видимо, землянка у связистов 1-го батальона 77-й дивизии (опять нумерология!) была не в три наката, как поётся в одной хорошей песне. Все погибли от прямого попадания снаряда. Вполне допустимо, что от взрыва разбросало вокруг немудрёные вещи связистов, обрывки бумаг, писем, в том числе и тетрадей Кондратюка с его расчётами...

А у домыслов, между прочим, проследживается в какой-то мере знакомый почерк известной конторы. В спецхране мне показывали одну фотографию (якобы Кондратюка) мужчины в штатском костюме среди сотрудников Вернера фон Брауна... Признаться, на этом тёмном, несколько размытом фоне и Брауна толком не разглядеть. Что же касается человека в штатском, то здесь можно сказать только одно: высокий, худой...

Я потому остановился на этом злосчастном снимке, что он до сих пор лежит в деле, до сих пор вызывает кое у кого неправданные сомнения и подозрения.

Между прочим, в этой же конторе с 1918 года упорно хранится фотография упакованного в безукоризненную тройку холёного человека, который числится здесь как военный комендант Ново-Николаевска... На самом же деле – это снимок первого президента Чехословацкой республики Томаша Масарика... Несколь-

ко раз пытался я обратить внимание на эту несурязицу работников спецхрана. Бесполезно! Стоят на своём – и точка!..

Мне пришлось остановиться на этом потому лишь, что подобная глухота почему-то всегда неизбежна. А в результате бросается тень на человека, память о котором всемирна!

Не сомневаюсь ни на минуту в том, что вчера нам Юрий Васильевич Кондратюк был нужнее, потому нужнее, что не было бы этого почти сорокалетнего замалчивания его имени, пренебрежительных отзывов некоторых учёных мужей о нём в нашем отечестве. Отразилось это, между прочим, и на представлении Ю. В. Кондратюка в «Советском энциклопедическом словаре» за 1977 год: «один из пионеров ракетной техники в СССР»...

Точный, обоснованный ответ по этому поводу мы получили от наших соперников по освоению Луны в лице американского учёного, одного из руководителей НАСА, Джона Хуболта: **«Он первым рассчитал энегетическую выгодность посадки на Луну по схеме: полёт на орбиту – старт на Луну с орбиты – возвращение на орбиту – стыковка с основным кораблём – полёт к Земле».**

Таким образом, Джон Хуболт признаёт, что тоненькая брошюрка Юрия Кондратюка «Завоевание мировых пространств», изданная на деньги автора в Новосибирске за 40 лет до полёта «Аполлона» к Луне, практически сэкономила американцам миллиарды долларов... Ну и, как следствие, принесла автору мировую славу!..

Позже будет приезд в Новосибирск командира «Аполлона» Нила Армстронга, посещение им наскоро организованного мемориального музея имени Ю. В. Кондратюка. Как водится, будет взята горсть земли с этого места, будет передан в дар музею камень с Луны... И будет поездка в Академгородок. Здесь молодые учёные Новосибирска зададут Нилу несколько

вопросов, на которые он впрямую так и не ответит... На вопрос, видел ли он на Луне деятельность других цивилизаций, он ответит, что когда в поле зрения попадает что-то непознанное, рот должен молчать, а голова думать...

Сейчас мы знаем, что Армстронг, ступив на Луну, тут же передал на Землю, что он видит другие космические корабли: «Они здесь, и они наблюдают за нами!» В ту пору, наверно, Армстронга предупредили на родине о том, что не надо в поездке по СССР распространяться об увиденном на Луне. Да и наша «секьюрити» зорко следила за каждым шагом астронавта... А вот выпел, на котором стояли подписи Олдрина и Армстронга, что в июле 1969 года расстояние от Земли до Луны составляло 373 787 266,4 метра, где-то по дороге из музея в городок затерялся...

А на обратной стороне Луны один из кратеров, в котором, вполне возможно, инопланетяне добывают неизвестные нам, землянам, материалы, сейчас носит имя нашего соотечественника Юрия Кондратюка.

В 1997 году в Новосибирске отметили 100-летие со дня рождения двух великих людей, оставивших на сибирской земле неизгладимый след. Эти люди всю жизнь воевали со скоростью и со временем, чтобы как можно быстрее преодолеть земное притяжение... Бартини умер в 77 лет, Кондратюк – в 44 года (но это – без комментариев).

В Таганроге, в семье младшего сына, Владимира Робертовича Бартини, тоже учёного и инженера, висит в квартире автопортрет узника с патрицианским профилем. На фоне зарешеченного окна, вдаль, угадываются размытые, в облачном мареве изображения обнажённой женщины и взлетающей ракеты с чуть изогнутой трассой, уходящей в бесконечность – к далёким полупочным звёздам, которые зовут человечество к себе в мажорные дали Вселенной.